

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

В. И. Буренко

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ ЭЛИТОЛОГИИ

Аннотация. Предметом исследования в данной статье выступает политический процесс в контексте разработки и развития теории элит. Целью работы является анализ диалектики политических изменений как в России, так и за рубежом и их отражения в элитологии. В качестве методологии исследования использованы исторический, сравнительный и инструментальный подходы. Результат исследования заключается в обосновании того, что и сегодня теоретические положения элитологии играют важную методологическую роль в политической науке и практическую значимость в политическом процессе.

Ключевые слова: политология, элитизм, власть, элита, собственность, государство, номенклатура, методология, режим, процесс.

В начале 2012 года издательство «Мысль» выпустило в свет книгу известного основателя элитологии, итальянского правоведа, социолога и политического мыслителя Гаэтано Моска (Mosca). Будущий учёный родился в Италии, в г. Палермо 1 апреля 1858 года. Совсем недавно, в 2008 году, научная общественность отмечала юбилейную дату – 150-летие со дня рождения теоретика элитизма. Изданная работа Г. Моски «История политических доктрин», переведенная с итальянского профессором Е.И. Темновым, являет собой знак внимания итальянскому ученому с мировым именем.

«История политических доктрин» впервые увидела свет в 1933 году. К этому времени Г. Моска прошел богатый жизненный путь. После окончания в 1881 году Палермского университета он преподает конституционное право в Римском и Туринском университетах (1885 – 1933), одновременно ведет активную политическую деятельность: является депутатом парламента, заместителем министра колоний, сенатором, печатается в авторитетных периодических изданиях. Своей политической и публицистической деятельностью выражал негативное отношение к утверждавшемуся с середины 20-х годов фашистскому режиму в Италии.

Но наибольшую известность и славу ему принесли усилия на научной почве. Его работы «Теория

правления и парламентское правление. Историческое и социальное исследование» (1884), «Современные конституции» (1887), «Элементы политической науки» (1896; на английском языке издана в 1939 году под названием «Правящий класс») явились новаторским вкладом в развитие политической и правовой мысли. В этих работах Г. Моска предстает автором и основателем оригинальной теории политического класса или как её стали позднее называть, используя термин другого итальянского исследователя, Вильфредо Парето, теории политических элит.

Основной вопрос политики – вопрос о том, кто правит и почему, был второстепенным в учениях XIX – начала XX века. Так, марксистская теория доказывала, что экономически господствующий класс является и политически господствующим классом, то есть политический статус правящего класса обусловлен его социально-экономическим господством. Политический класс в работах Г. Моски, в отличие от предыдущих социально-политических теорий, – это главный и самостоятельный объект исследования. В одной из основных своих работ автор чётко формулирует основные положения своих исследований: «Во всех обществах существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый всегда менее многочисленный и выполняет все политические функции, монополизирует власть

и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть...»¹. Анализ структуры этого правящего класса, законов прихода его к власти, выявление тенденций его функционирования, вырождения, упадка и смены другой правящей группой – все это стало предметом особого научного внимания Г. Моски.

В последней главе «Истории политических доктрин» автор пишет: «Сегодня новый метод политических исследований имеет тенденцию концентрировать внимание теоретиков именно на формировании и организации руководящего класса, который в Италии повсеместно получил наименование *политического класса*»². Здесь же Моска отмечает, что понятие «*политический класс*» наряду с понятием «*элита*», употребляемым Парето, начинают использовать и зарубежные авторы.

И действительно, история распорядилась так, что работы Г.Моски открыли дорогу целому научному направлению политико-правовых, философских, психологических и социологических исследований, которое ныне получило название *элитология*. Не всегда исследователи этого направления употребляют понятия политический класс или элита, но всегда их внимание сконцентрировано на изучении специфики функционирования той малочисленной группы в социальной и особенно *политической структуре* общества, которая монополизует власть и, в силу этого, играет огромную роль в историческом процессе. К числу классиков элитологии, помимо Г.Моски, традиционно относят его соотечественника *Вильфредо Парето* (1848 – 1923) и представителя немецкой школы политической социологии, известного теоретика политических партий *Роберта Михельса* (1876 – 1936). В. Парето ввел в широкий научный оборот понятие *элита*, используя при этом и понятие «*правлящий класс*». Если оставить в стороне фикцию «*народного представительства*» и обратиться к существу дела, – пишет он, – «то обнаружится, что за небольшими недолговременными исключениями, повсеместно имеется малочисленный правящий класс, удерживающий власть отчасти силой, отчасти с согласия класса управляемых, значительно более многочисленного». В элите Парето выделяет две группы, называя тех, «кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом»

правлящей элитой, остальных – *неуправляющей элитой*. Итак, заключает Парето, «мы имеем две страты населения, а именно: 1) низшая страта, неэлита,...2) высшая страта, элита, делящаяся на две части: (а) правящая элита; (б) *неуправляющая элита*»³. Как и Г. Моска, Парето уделяет основное внимание, функционированию элиты, её взаимодействию с большинством населения – неэлитой, а также процессу круговорота элит. *Циркуляция*, то есть круговорот элит, как показывал Парето, является движущей силой общественного процесса.

Р. Михельс исследовал политические процессы, находясь под влиянием итальянских *теоретиков элит*. В своих работах он обратил внимание на то, что становление небольшой правящей группы в любых сообществах обусловлено фактом разделения труда, необходимостью управления общими проблемами и делами, с которыми сталкивается то или иное сообщество людей. Значительный вклад Р. Михельса в политическую науку связан с исследованием политических партий. Его работа «Социология политической партии в условиях демократии» появилась в Германии в 1911 году. Согласно Михельсу, политические партии – необходимое средство защиты социальными движениями своих главных интересов. Однако, – показывает он, – политические партии, как и любые крупные организации, вынуждены верить своим лидерам монопольную власть. Возвышение партийной олигархии над политическими партиями и социальными движениями есть следствие целого ряда факторов: некомпетентности масс, необходимости знаний и навыков политической работы, потребность в эффективном руководстве в условиях межпартийной борьбы. Партийная олигархия, искусно пользуясь разнообразными ресурсами, начинает существовать не для социальных движений, а за счет этих партий и движений.

В силу этих факторов, как показал Михельс, происходит вырождение внутрипартийной демократии. Этот процесс Михельс сформулировал как «*железный закон олигархизации*»: «Во всех партиях, независимо от их типа, демократия ведет к олигархии». Суть этого закона заключается в том, что властные ресурсы в партиях используются не столько для защиты интересов партийных масс, сколько для реализации интересов партийных лидеров.

¹ Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. М., 1997. С. 118.

² Моска Г. История политических доктрин. М., 2012. С. 299.

³ Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. М., 1997. С. 61.

Вместе с тем Михельс отмечал, что, во-первых, без партий в современную эпоху невозможно добиться успехов в политической борьбе, в борьбе различных социальных слоев за распределение и перераспределение общественных ресурсов. Во-вторых, несмотря на то, что борьба за демократию приобретает олигархические формы, все же межпартийная конкуренция, по мнению Михельса, способствует отбору и продвижению к власти в государстве наиболее достойных⁴.

Дальнейшее развитие элитистское направление получило в США и других странах Западной Европы. Австрийский и американский социолог и экономист *Йозеф Шумпетер* (1883-1950) явился основоположником концепции «*демократического элитизма*». Шумпетеру удалось в теоретическом плане достаточно убедительно согласовать некоторые ценности представительной демократии с выводами классиков элитизма. Демократический элемент в концепции Шумпетера представлен двумя измерениями. Первое измерение заключается в процедуре *свободной конкуренции* различных элитных группировок за голоса избирателей. Элемент *свободной конкуренции*, - *подчеркивает он*, - «является сутью демократии»⁵. Второе измерение, характерное для демократии, заключается в том, что в итоге *народ посредством выборов* определяет, какая из конкурирующих элит будет править в ближайший до следующих выборов период. Элитарный элемент в концепции Шумпетера представлен положением о том, что «не народ в действительности поднимает и решает вопросы, эти вопросы, определяющие его участь, поднимаются и решаются за него». И далее: «Демократия лишь значит то, что у народа есть возможность принять или не принять тех людей, которые должны им управлять»⁶. Безусловно, Шумпетер заметил то, что не смог в силу исторических ограничений заметить К.Маркс в его теории политического класса как экономически господствующего класса. С резким подъёмом в конце XIX – первой половине XX веков уровня участия масс в общественно-политической жизни, расширением демократических эле-

ментов в политической жизни многих стран Западной структура политического класса все больше утрачивала жесткий сословно-классовый характер (феодалы или буржуазия как экономически господствующие и тем самым правящие классы). Демократизация вынудила политический класс становиться более открытым. В процессах и процедурах формирования правящего класса в зависимости от конкретных условий той или иной страны стали переплетаться элементы демократии и элитизма. Эти новые тенденции социально-политического развития как раз и были отражены в концепции элитарной демократии Й. Шумпетера.

С именем испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета связана разработка *элитарно-ценностной* теории. В основе этой теории лежит идея разработки идеальной, нормативной модели политической элиты. Ортега-и-Гассет представлял политическую элиту как группу, обладающую повышенным чувством ответственности. Любая ещё окончательно не выродившаяся человеческая раса порождает обычно пропорциональное общему числу членов количество выдающихся людей, в лице которых интеллектуальные, моральные и вообще жизненные свойства выражены с наибольшей силой. В развитых расах это количество представлено явственней и мощней. Иначе говоря, одна нация превосходит другую мощностью избранного меньшинства. Избранное меньшинство – это «не те, кто кичливо ставит себя выше, но те, кто требует от себя больше, даже если требование к себе непосильно»⁷. В ряд *элитарно-ценностных концепций* вписывается и *концепция меритократии* (от лат. *meritus* – достойный и греч. *kratos* – власть), представленная в книге английского социолога Майкла Янга «Возвышение меритократии: 1870 – 2033» (1958 г). В ней автор пытается представить власть интеллектуалов и обосновать систему отбора правящей элиты из наиболее талантливых, одаренных и компетентных представителей общества⁸. К представителям элитарно-ценностных концепций относится разработка русскими мыслителями Н.А.Бердяевым, И.А.Ильиным и др., требований, которым должно соответствовать правящее меньшинство. «В сущности только и существует два типа власти, – пишет Бердяев, – аристократия и охлократия, правле-

⁴ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. М., 1997. С. 186 – 196.

⁵ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 367, 372.

⁶ Там же. С. 350, 372.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 46.

⁸ Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991.

ние лучших и правление худших. Но всегда, всегда господствуют немногие; таков непреложный закон природы. Истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому, что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Она – жертвенна. В этом вечная ценность аристократического начала»⁹. Иван Ильин формулирует высочайшие требования к российскому политическому классу. «Тот, кто желает служить России в сфере политики, – писал И. Ильин, – должен прежде всего понять, что к этому служению, необходимо умственно и нравственно подготовиться»¹⁰.

Сравнивая представления элитарно-ценностных теорий о правящем классе с идеями реалистических (макиавеллистских) теорий (Моска, Парето и др.), обнаруживаем существенные различия в *методах и результатах* исследования. Странники элитарно-ценностных теорий разрабатывают модель правящей элиты с точки зрения того, какой она должна быть (нормативно-ценностный подход), реалисты исследуют элиту такой, как она есть (позитивистский подход). Для сравнения представим ещё раз слово В.Парето: «В сущности, какой бы ни была форма режима, люди, которые управляют, имеют, как правило, определенную склонность к использованию власти для сохранения своих позиций, а также к злоупотреблению ею для достижения собственных выгод, которые иногда не вполне отличаются ими от партийных выгод и почти всегда смешиваются с национальными. Отсюда вытекает следующее: 1) Нет большой разницы между формами режима. Различия содержатся в сущности, то есть в чувствах народа; там, где он более или менее честен, правительство также оказывается более или менее честным; 2) Злоупотребления будут тем более масштабными, чем больше будет вмешательство государства в частные дела, поскольку расширится почва для эксплуатации; 3) Правящий класс заботится также о том, чтобы присвоить себе имущество других не только из соображений собственной выгоды, но также и для того, чтобы поделиться им с теми из класса управляемых, кто обеспечивает им власть как с помощью силы, так и хитростью»¹¹.

⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 126, 128.

¹⁰ Ильин И.А. Собрание сочинений. т. 2. кн. 2. М., 1993. С. 351.

¹¹ Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология

Не менее четко позитивистский подход к анализу элит выражен и у Г.Моски: «Известно, что крайняя централизация богатства в руках небольшой фракции правящего класса содействовала упадку такого весьма совершенного политического организма, как Римская республика. ...Нам не следует пребывать в иллюзиях в отношении практических последствий режима, при котором неразрывно соединились бы и осуществлялись одними и теми же лицами руководство экономикой, управление производством, распределение производимого продукта, политическая власть. Мы замечаем, как по мере увеличения доли общественного богатства, забираемой и распределяемой государством, у глав политического класса становится все больше средств влияния на подданных, как они при этом все легче уходят от любого контроля. Разве не видим мы, как одной из важнейших причин упадка парламентаризма стало увеличение числа подрядов на государственные работы и прочих милостей экономического характера, оказываемых управленцами избранным индивидам и объединениям людей...и как там труднее всего добиваться независимого положения и честного дохода, не имея дел с властями»¹².

На протяжении всего текста «Истории политических доктрин» видно, что Г. Моска не занимается разработкой идеальных моделей правящего класса, он постоянно обращает внимание на необходимость соотносить политические идеи того или иного периода с политическими институтами этого времени, видеть или выявлять тесную связь в развитии доктрин и институтов. Невозможно изучать историю политических доктрин без одновременного изучения истории политических институтов. Мы не сможем, пишет он, «хорошо осознать ту или иную доктрину, игнорируя тот тип политической организации, которому она соответствует с целью либо его защиты, либо его свержения. Иными словами, без точного знания политической организации данной эпохи и данного народа вряд ли достижимо точное знание тех доктрин, которые у этой общности сформировались»¹³. Этот подход чётко реализуется в «Истории политических доктрин». Так, анализ политических доктрин античной Греции предваряет параграф, пос-

мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. С. 74.

¹² Моска Г. Элементы политической науки // Социологические науки. №8. С. 133.

¹³ Моска Г. История политических доктрин. С. 12.

вященный рассмотрению политических институтов античной Греции. Политические доктрины античного Рима рассматриваются в связи с анализом институтов античного Рима и т.д.

В 50-е – 70-е годы XX века в США широкий резонанс получили леворадикальные (критические) и неоконсервативные (охранительные) концепции элит. Ярким представителем леворадикальной критики элит (антиэлитизм) явился *Чарлз Райт Миллс* (1916 – 1962). В книге «Властвующая элита» (1956, издание на русском языке – 1959) Миллс раскрывает процесс централизации социального управления, который является следствием индустриализации. Это в свою очередь ведет, как показывает Миллс, к всё большей интеграции верхушки бизнеса, представителей политики и военно-промышленного комплекса в единую властвующую элиту и нарастающему отчуждению её интересов от интересов общества.

Критический анализ правящей элиты с использованием огромного фактического материала представлен в работе американского политолога Майкла Паренти «Демократия для немногих» (1976, первое издание на русском языке – 1990.), в которой автор раскрывает плюралистический характер американского правящего класса. Однако этот плюрализм, как показывает Паренти, доступен крайне узкому кругу людей, фактически монополизировавших кресла политических кабинетов и обеспеченных после ухода из политики гарантиями «тёплых местечек» в кабинетах корпораций, которым они делают услуги¹⁴.

Другое направление, неоконсервативную концепцию элит разработали американские исследователи Т.Дай и Х. Зиглер в совместно изданной книге «Демократия для элиты». Введение в американскую политику» (1970, издание на русском языке – 1984). Ирония демократии в том, отмечают эти авторы, что массы часто склонны к авторитаризму, экстремизму, они далеко не всегда разделяют ценности демократии. Правящие элиты оказываются тем меньшинством, которое стоит на страже ценностей плюрализма, прав и свобод, толерантности и других приоритетов из арсенала современной демократии.

В Советском Союзе, других социалистических странах политическая элита долгое время фактически не изучалась. Как отмечается в одной из современных работ «...в годы существования СССР исследования советской элиты отечественными об-

ществоведами сводились исключительно к тенденциозным разработкам так называемых проблем кадровой политики. Термин «элита», то есть узкий круг влиятельных лиц, принимающих социально значимые решения и осуществляющих контроль за их реализацией, по отношению к советскому обществу никогда не употреблялся»¹⁵. За этой констатацией можно видеть общую тенденцию, свидетельствующую о том, что при определенных политических режимах нет условий и возможности для систематического и глубокого исследования политической проблематики. Вопросы политики и власти исследовались и изучались лишь в меру дозволенного. Кроме того, известно, что для любой науки информация – это ее хлеб. Однако информация о функционировании власти в СССР была за семью печатями. Только через десятки лет стали достоянием общественности и исследователей процедуры обсуждения и принятия решений (в этой части и сейчас принципиальных изменений пока мало), механизмы формирования политической элиты и др. В общем, власть как святая святых была труднодоступна для рядового исследователя. Крупных работ по проблемам элит, за исключением работ, в которых с марксистских позиций критиковались западные теории, за советский период практически не выходило. Об этом свидетельствует крайне бедная библиография по этим вопросам за указанное время. Научному сообществу были трудно доступны и зарубежные исследования. Та же литература, которая появлялась, носила в основном идеологизированный и апологетический характер. И это понятно, поскольку для развития науки, кроме свободы доступа к информации, необходима свобода слова. Ситуацию в этой сфере достаточно точно охарактеризовал еще в 1939 году в открытом письме Сталину революционер, литератор и дипломат Федор Раскольников: «Вы лишили советских ученых, особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которого творческая работа исследователя становится невозможной»¹⁶. Конечно, кроме свободы слова исследователю политики и власти необходимы были еще честность и смелость, но все это было в

¹⁵ Куколев И., Штыков П. Становление элитоведения (1991 - 1996) // Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг. М., 1998. С. 107.

¹⁶ Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Гребельский З.В. Федор Раскольников М., 1988. С. 181.

¹⁴ Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990. С. 270.

большом дефиците. Вот как характеризует научную атмосферу советской эпохи бывший в брежневские времена директором Института США и Канады Г. Арбатов: работники общественных наук «...погрязли в непроходимом догматизме и начетничестве, неумолкающей апологетике «великого теоретика»¹⁷. И в постсталинские времена положение мало изменилось. Как писал известный исследователь культуры В.В. Журавлев: «общественным наукам отводилась охранительно-апологетическая функция и большинством обществоведов реализация этой функции понималась как важнейший партийный и профессиональный долг, как выражение гражданской позиции»¹⁸. Те же авторы, которые переходили грань дозволенного, преследовались, высылались из страны или были вынуждены уезжать за рубеж, чтобы иметь возможность работать в области исследований политики. Здесь мы назовём лишь известные ныне имена авторов, которые так или иначе исследовали в советское время политическую элиту, тем самым вторгались в область недозволенного, и потому вынужденных покинуть страну и писать «издалека»: А. Авторханов, М. Восленский, А. Зиновьев, П. Егидес, А. Некрич, А. Янов и др.

Лишь с конца 80-х – начала 90-х годов научной общественности стали доступны ныне широко известные работы, посвящённые исследованию элит в социалистических странах: «Новый класс» югославского исследователя М. Джиласа, «Происхождение партократии» А. Авторханова, «Номенклатура» М. Восленского и ряд других.

Книга Милована Джиласа «Новый класс» была издана на Западе ещё в 1957 году. Она явилась первым глубоким исследованием правящего класса в социалистических обществах. Несмотря на то, что Джилас был крупнейшим государственным и политическим деятелем Югославии, за свои научные изыскания он был осужден, находился в тюрьме с 1957 по 1966 год и был реабилитирован лишь в 1989 году. Джилас раскрыл процесс превращения партийной бюрократии в социалистических странах в новый правящий класс. Этот класс, как он показал, принципиально отличается от правящего класса в западных странах. При социализме этот класс монополизирует в своих руках основные ресурсы господства над обществом:

власть, собственность и идеологию. Партийная верхушка возвышается и господствует над обществом. Не рабочий класс, как об этом твердили официальные «исследования» в социалистических странах, а партийная бюрократия явила собой новый правящий класс в историческом развитии человечества. Основная черта строящегося социализма – это новый правящий класс, являющийся классом собственников и эксплуататоров. Эксплуатация осуществляется посредством распоряжения новым классом государственной собственностью¹⁹. Такова характеристика нового правящего класса, представленная в исследованиях М. Джиласа.

В 1980 году в Австрии и ФРГ на немецком языке выходит книга М.С. Восленского «Номенклатура». Развивая идеи Г. Моска, В. Парето и М. Джиласа, Восленский показывает, что номенклатура – это и есть господствующий класс советского общества. «Главное в номенклатуре – власть. Не собственность, а власть (курсив – М.Восленского). Буржуазия – класс имущий, а потому господствующий. Номенклатура – класс господствующий, а потому имущий»²⁰. В этом принципиальное отличие правящего класса западных стран и советской номенклатуры как правящего класса СССР.

Следует отметить, что некоторые исследователи и сегодня не замечают этот принципиальный вывод М. Восленского о том, что «номенклатура – класс господствующий, а потому имущий». Так в одном из российских исследований бросается упрек школе элитистов, которые отождествляют «вслед за Г.Моской элиту с правящим классом, вместо того, чтобы объяснить, как и почему экономически господствующий класс становится политически господствующим...»²¹. Но ведь это давно уже сделал К.Маркс. И зачем рекомендовать элитистам превращаться в марксистов. У теоретиков элит, именно потому, что они не применяли марксистский подход к исследованию правящего класса, а разработали собственный, имеются свои заслуги перед наукой.

¹⁹ Джилас М. Новый класс // Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 225.

²⁰ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 113 – 114.

²¹ Ашин Г.К., Лозаннский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001. С. 248.

¹⁷ Арбатов Г. Свидетельство современника. М., 1991. С. 24.

¹⁸ Журавлев В. В. Обществовед и перестройка // Вестник АН СССР. 1989. №7. С. 116.

Такие работы как «Номенклатура» в Советском Союзе издаваться не могли. После первой зарубежной публикации его книга «Номенклатура» в последующие 10 лет выдержала: 4 издания во Франции, по 2 издания в Италии, США, Исландии, Японии, по 1 изданию в Англии, Бразилии, Греции, Испании, Португалии, Швеции.

Первое советское издание появилось на закате СССР, в 1991 году. Предисловие к этому изданию написано М. Джиласом. Милован Джилас писал: «Эта работа может оказаться итоговой. Диктатура номенклатуры приблизилась к своему историческому краху»²². Действительно, в декабре 1991 года наступил крах СССР, номенклатура привела к гибели Советский Союз. Развал страны – это «венец» её исторической миссии, но не крах самой номенклатуры. Мне представляется, М. Джилас оказался прав лишь отчасти.

Дело в том, что политические трансформации в современной России свидетельствуют о том, что советская номенклатура, принеся в жертву страну – Советский Союз, «успешно» трансформировалась в номенклатуру российскую, которая ещё более изощрённо обучилась приобретать и концентрировать власть, а затем приумножать собственность, охранять старые и плодить новые привилегии. Если советская номенклатура маскировалась, – как писал Восленский, – «псевдопрогрессивными «социалистическими лозунгами», то сегодняшняя российская номенклатура ещё более успешно прикрывает свое господство демократическими процедурами и лозунгами: выборами без реального выбора, многопартийностью без реальной оппозиции, многообразием СМИ без свободы СМИ, разделением властей при полной зависимости законодательной, исполнительной и особенно судебной властей от номенклатурной верхушки. В заключение своей книги для советского издания 1990 года, М. Восленский пишет: «50 счастливых минут переживает номенклатурная толпа, любящая четким шагом войск, грохочущим стремительным бегом танков, огромным размером ракет. Взгляните на их лица: как они улыбаются этим ракетам, как довольны. Это их сила лавиной катится по Красной площади. Это их сила стоит внимательными шеренгами охранников КГБ. Это их сила застав-

ляет весь мир смотреть сейчас на Красную площадь, прислушиваясь к их голосу, бояться их»²³.

В постсоветской России долгое время не проводились военные парады. Но не первый ли постсоветский военный парад 2008 года представлен в этом сюжете М. Восленского, написанном в 1990 году? Точно также как и раньше, 50 счастливых минут переживала российская номенклатурная толпа в 2008 году, любящая четким шагом войск, грохочущим стремительным бегом танков, огромным размером ракет. Точно также они улыбаются этим ракетам. Это их сила лавиной катилась по Красной площади.

Этот первый парад – явный знак того, что завершился этап трансформации советской номенклатуры в номенклатуру российскую. И этот парад 2008 года зафиксировал то, что трансформация завершилась в интересах правящего класса России. Сначала власть, а потом собственность. Так сложился правящий класс современной России.

Ещё одним аргументом в пользу представленного здесь тезиса о том, что советская номенклатура с успехом мимикрировала в номенклатуру российскую, говорят предвыборные тезисы одного из кандидатов в Президенты РФ. Размышляя о важнейших задачах, которые в России необходимо решать, В.В. Путин обозначает в качестве важнейшей ту задачу, о которой писали и Г. Моска и М. Джилас и М. Восленский: «Важно сконцентрироваться на следующих основных приоритетах. Первое. Разорвать связку «власть-собственность»²⁴. Действительно, это судьбоносный приоритет российской истории. Но видимо этот приоритет так и останется предвыборным лозунгом кандидата в Президенты РФ. Сколько ещё исторических уроков и теоретических выводов должна усвоить отечественная номенклатура, чтобы наконец управлять обществом, а не использовать властные кресла для личного обогащения.

Долговечно ли господство этого нового правящего класса в России? При рассмотрении подобных вопросов Г. Моска обращал внимание на ряд факторов, среди которых существенную роль играют идейные основания господства немногих над большинством. Уже в начале своей работы «История политических доктрин» итальянский автор указывает

²² Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 11.

²³ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. С. 617.

²⁴ Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 6. 02. 2012.

на понятие «политическая формула»²⁵, которое играет важную роль при объяснении исторических циклов смены политического класса. Завершая же книгу, Г. Моска пишет: «Одним из первых результатов нового метода стало понятие, получившее название *политической формулы*. Политическая формула есть констатация того, что во всех странах, достигших хотя бы среднего уровня культуры, политический класс оправдывает свою власть, опираясь на верование или чувство в эту эпоху или у данного народа повсеместно принятые, которыми могут быть в разных случаях предполагаемая воля народа или Бога, сознание и стремление сформировать достойную нацию или избранный народ, традиционная верность династии или вера в некоего индивида, наделенного исключительными качествами.

...Поэтому, когда политическая формула, скажем так, преодолена, когда ослаблена вера в принципы, на которых она основана и охлаждены чувства, которые её создали, это знак того, что в политическом классе зреют внутренние трансформации. Французская революция произошла, когда огромное большинство французов утратило веру в Божественное право короля, а русская революция разразилась, когда почти вся интеллигенция и большинство русских рабочих и крестьян перестали верить в то, что царь получил от Бога миссию управлять самодержавно Святой Русью»²⁶. Российское общество и властвующий класс не только не создали, но не приступили к созданию того, что Моска на основе анализа истории политического процесса назвал политической формулой, некоторой идеи, совокупности ценностей, которые бы обеспечивали идеологическую легитимность, прочные идейные основания политического устройства в стране.

Но не только прочные идейные основания необходимы для господства правящего класса. Г. Моска обращает внимание на целый ряд *социально-экономических факторов* господства правящих сил. Совокупность этих факторов четко сформулирована итальянским мыслителем при анализе причин падения Римской империи. Автор обращает внимание на *экономическое и моральное разобщение* западной Римской империи, на *уменьшение населения*, что вело к *забрасыванию многих полей*, на *упадок среднего класса* из-за чрезмерного налогообложения, на

бандитизм, который превратился в постоянную, незаживающую язву и сделал тревожной ситуацией с *безопасностью имущества* и приводил главным образом к *обнищанию именно среднего класса*, потому что богатых защищала их частная охрана, а бедные были защищены своей бедностью²⁷. «Но было то, что усугубляло последствия ошибок в управлении и лишало результатов те мероприятия, которые могли бы быть полезными. Этим злом стала коррупция многочисленной и назойливо проникающей всюду бюрократии, которая ...завоевывала всё более широкие права в ущерб индивидуальным свободам и муниципальной автономии»²⁸.

Поразительно сходство тех причин, которые привели к падению Римской империи и процессов, происходящих в современной России. Но следует ещё раз обратить внимание на тот фактор, который, согласно итальянскому исследователю, делает безрезультатными мероприятия, которые могли бы быть полезными. Это «...коррупция многочисленной и назойливо проникающей всюду бюрократии». Политический класс стал острейшей проблемой российского общества. Россияне превращаются в «народ без элиты». Все другие провозглашаемые реформы, трансформации и модернизации в современной России будут безрезультатными, разорительными без радикальных преобразований правящего слоя. Коррупцированный правящий слой ведёт Россию к крупным социальным и политическим катастрофам. Нам, современникам эти катастрофы могут быть незаметны. Они растягиваются на сотни лет, но их результатами становятся исчезнувшие государства, упоминание о которых потомки будут встречать только в учебниках.

В современной России появились значимые работы по проблемам политических элит. Продолжаются теоретические дискуссии о творческом наследии Г. Моска и В. Парето, предпринимаются усилия по уточнению категориального аппарата элитологической школы, ведутся дискуссии между сторонниками ценностного и структурно-функционального подходов к анализу элит. Исследования исторического характера, продолжая почин М. Джиласа, А. Авторханова, М. Восленского, обращают внимание на истоки формирования правящего класса современной России. Политологи, социологи, философы

²⁵ Моска Г. История политических доктрин. С. 11.

²⁶ Моска Г. История политических доктрин. С. 300.

²⁷ Моска Г. История политических доктрин. С. 66 – 70.

²⁸ Там же. С. 68.

углубляются в анализ состава и структуры, каналов рекрутирования, особенностей циркуляции, законов функционирования, степени открытости-закрытости современной российской элиты. Элитоведение, –

среди основателей которого значительная роль принадлежит Г. Моске, – стало важным направлением исследований, а правящий класс особым предметом анализа многих социальных наук в России.

Библиография

1. Арбатов Г. Свидетельство современника. М., 1991.
2. Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001.
3. Бердяев Н. Философия неравенства. М., 1990.
4. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
5. Джилас М. Новый класс // Лицо тоталитаризма. М., 1992.
6. Журавлев В. В. Обществовед и перестройка // Вестник АН СССР. 1989. №7.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений. т.2. кн.2. М., 1993.
8. Куколев И., Штыков П. Становление элитоведения (1991 - 1996) // Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг. М., 1998.
9. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. М., 1997.
10. Моска Г. Правящий класс // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. М., 1997.
11. Моска Г. История политических доктрин. М., 2012.
12. Моска Г. Элементы политической науки // Социологические исследования. 1995. №8.
13. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
14. Паренти М. Демократия для немногих. М., 1990.
15. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. М., 1997.
16. Путин В.В. Демократия и качество государства // Коммерсант. 6.02.2012.
17. Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Гребельский З.В. Федор Раскольников М., 1988.
18. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
19. Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991.

References (transliteration)

1. Arbatov G. Svidetel'stvo sovremennika. M., 1991.
2. Ashin G.K., Lozanskiy E.D., Kravchenko S.A. Sotsiologiya politiki. Sravnitel'nyy analiz rossiyskikh i amerikanskikh politicheskikh realiy. M., 2001.
3. Berdyaev N. Filosofiya neravenstva. M., 1990.
4. Voslenskiy M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz. M., 1991.
5. Dzhilas M. Novyy klass // Litso totalitarizma. M., 1992.
6. Zhuravlev V. V. Obshchestvoved i perestroyka // Vestnik AN SSSR. 1989. №7.
7. Il'in I.A. Sobranie sochineniy. t.2. kn.2. M., 1993.
8. Kukolev I., Shtykov P. Stanovlenie elitovedeniya (1991 - 1996) // Sotsi-al'nye issledovaniya v Rossii. Nemetsko-rossiyskiy monitoring. M., 1998.
9. Mikhel's R. Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh demokratii // Antologiya mirovoy politicheskoy mysli. V 5 t. T.2. M., 1997.
10. Moska G. Pravyashchiy klass // Antologiya mirovoy politicheskoy mysli. V 5 t. T.2. M., 1997.

11. Moska G. Istoriya politicheskikh doktrin. M., 2012.
12. Moska G. Elementy politicheskoy nauki // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. №8.
13. Ortega-i-Gasset Kh. Izbrannyye trudy. M., 1997.
14. Parenti M. Demokratiya dlya nemnogikh. M., 1990.
15. Pareto V. Kompendium po obshchey sotsiologii // Antologiya mirovoy politicheskoy mysli. V 5 t. T.2. M., 1997.
16. Putin V.V. Demokratiya i kachestvo gosudarstva // Kommersant. 6.02.2012.
17. Raskol'nikov F. Otkrytoe pis'mo Stalinu // Grebel'skiy Z.V. Fedor Raskol'nikov M., 1988.
18. Shumpeter Y. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M., 1995.
19. Yang M. Vozvyshenie meritokratii // Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhnoy literatury. M., 1991.